

Шестого числа шестого месяца путешественники наконец добрались до города Янчжоу.

По пути Ли Сянъи и Шань Гудao заглянули в гости к Ци Тяньху. Тот был невероятно рад их видеть. Узнав, что друзья направляются в Янчжоу на Собрание боевых искусств, он не стал их задерживать, лишь посетовал, что Ци Юнь еще не вернулся из странствий и не сможет составить им компанию, но пообещал, что они обязательно встретятся в городе.

Янчжоу — город неги, край цветов и луны. Сюда стремятся и юные рыцари, готовые защищать слабых, и ученые мужи, чьи головы полны классических текстов. Неудивительно, что Собрание боевых искусств решили провести именно здесь — ведь нет места более романтического и прославленного, чем Янчжоу.

Едва войдя в город, они оказались в гуще людского шума. Шань Гудao посмотрел на Ли Сянъи и Сэссёмару, весело воскликнув:

— Аромат цветов проникает до костей, души их терзают нутро. Десять ли весенних дорог Янчжоу, но даже задернутые жемчужные занавеси не сравнятся с его красотой. Ах, Сянъи, братец Сэссёмару, вам обоим предстоит здесь как следует всё разузнать!

Ли Сянъи, услышав шутку старшего брата, потер нос и смущенно взглянул на Сэссёмару. Однако, увидев, что тот сохраняет невозмутимый, ледяной вид, он устыдился собственной неопытности. Сянъи прочистил горло, выпрямился и с любопытством принялся разглядывать город, который величали не иначе как знаменитой столицей левобережья Хуай.

Будучи великим демоном, Сэссёмару, даже с запечатанной силой, обладал куда более острым слухом и обонянием, чем люди. Гул толпы заставлял его хмуриться — приходилось отсекал лишние звуки. Слова Шань Гудao показались ему нелепыми: неужели наследник Западных земель, проживший четыреста лет, не видел цветов? Ему ли набираться здесь опыта?

Холодный, бесчувственный, не понимающий романтики, далекий от женского общества — вот каким был господин Сэссёмару.

С приходом лета в Янчжоу расцвели лотосы, наполнив воздух ароматом, а берега утопали в зелени ив. Ли Сянъи впервые видел такую красоту, и в сердце юноши проснулся живой интерес к этому прославленному городу.

Из-за предстоящего Собрания боевых искусств в Янчжоу стекались толпы талантов и рыцарей, так что все постоянные дворы и даже увеселительные заведения были переполнены. Троица остановилась в заранее забронированной Шань Гудao Обители Жуи. Атмосфера города была слишком хаотичной, и Сэссёмару, могущественный ёкай, не собирался вливаться в людскую суету. Кроме Ли Сянъи, чье присутствие заставляло его взгляд задерживаться в этом бренном мире, всё остальное было для него лишь досадной помехой. Поэтому, пока Ли Сянъи сопровождал брата на встречи с друзьями, Сэссёмару почти не выходил из дома, лишь изредка прогуливаясь с Сянъи по городу.

Юноша был полон сил и жажды жизни, он с удовольствием заводил знакомства и участвовал в поединках, но никогда не забывал принести Сэссёмару какое-нибудь лакомство, которое находил вкусным.

Не прошло и полмесяца, как имя Ли Сянъи с горы Юньинь прогремело во всех школах и сектах. Юноша обладал невероятным талантом: в схватках, предварявших Собрание, он не проиграл ни разу, причем никто из противников не мог продержаться против него и трех приемов.

Седьмого числа седьмого месяца, проведя в Янчжоу уже целый месяц, Ли Сянъи успел испытать на прочность техники Куньлунь, мечи Удана, кулаки и посохи Шаолиня, приемы Наньшань Шэнь и Секты меча Фэнлин. Он не знал поражений ни в дуэлях, ни в битвах против нескольких противников сразу. В мире, где превыше всего ценится сила, имя Ли Сянъи начало сиять во весь блеск.

За эти месяцы он заметно подрос, возмужал, и детская припухлость на лице исчезла. После стольких столкновений с несправедливостью его облик обрел холодную остроту и притягательную красоту. Его благородные поступки стали известны многим: юноша был прямодушен, взгляд его оставался ясным, он не ставил себя выше других и относился с одинаковым уважением как к мужчинам, так и к женщинам. Победив, он не предавался гордыне, а проигравшему не бросал насмешек — лишь вежливо складывал руки в приветствии.

Вокруг этого красивого, отважного и справедливого юноши сплотилась целая компания молодых людей. Они вместе тренировались и веселились. Иногда они заглядывали в знаменитые увеселительные заведения Янчжоу, но и там Ли Сянъи вел себя безупречно. Он искренне уважал женщин, никогда не оставался на ночь и общался с куртизанками на равных, восхищаясь их талантами без тени пошлости. Его поведение вызывало лишь глубокое уважение у всех в мире боевых искусств.

Но окончательно слава Ли Сянъи закрепилась после случая в Башне Сложенной Луны, где он состязался с главной куртизанкой в поэзии и игре в го. В конце концов, используя румяна вместо туши, он начертил на стене тридцать шесть строк Песни о кармических узах мира.

Красота, как цветок, не живет вечно...

В трех тысячах ли от нефритовой столицы небес есть путник, умеющий летать на мече...

Я странник в мире людей, одним ударом меча преодолеваю тридцать тысяч ли...

Только великий герой может оставаться самим собой, и только истинный мастер — быть по-настоящему свободным. Его своевольный, но благородный нрав покориł многих.

Шань Гудao, пользуясь именем брата, тоже обзавелся кругом общения, проводя время в бесконечных пирах. А вот о Сэссёмару, чей облик казался неземным, почти никто не знал. Каждый день в своей комнате он пытался нащупать грань использования демонической силы в этом мире. Именно благодаря этим попыткам он почувствовал, как внутри него зарождается

некий клинок.

В Обители Жуи Сэссёмару вновь пробовал высвободить свою силу, и в комнате проскакивали молнии, невидимые для обычных глаз. Когда он услышал знакомые шаги, то поспешил закрыть едва приоткрытую дверь в Мир Ёкаев, и разряды мгновенно погасли.

Ли Сянъи, дождавшись тишины, толкнул дверь. Сэссёмару посмотрел на небо — уже приближался час петуха, время, когда они обычно пили вино и сражались. Он поднял взгляд, безмолвно спрашивая о чем-то. Ли Сянъи сел за стол, налил воды себе и Сэссёмару и взволнованно произнес:

— Брат Сэссёмару, я постиг еще четыре приема! Пойдем за город, я покажу их тебе!

Сэссёмару, вспомнив долетавшие до него разговоры о великом герое Ли Сянъи, редко позволял себе шутить:

— И как называются эти приемы? Красота, как цветок? Или Нефритовая столица в трех тысячах ли?

Ли Сянъи не знал, почему, но при друзьях эти стихи казались ему проявлением удали, а из уст Сэссёмару, чей взгляд при этом теплился скрытой усмешкой, они заставили его густо покраснеть. Он кашлянул, отвернувшись, чтобы скрыть смущение.

Сэссёмару, сделав глоток воды, чтобы спрятать улыбку, продолжил:

— О, или это Свободный странник, Ли Сянъи из мира ветра и луны?

Сянъи покраснел уже до кончиков ушей. Испугавшись, что брат поймет его превратно, он затараторил:

— Это всё пустые слухи! Я просто обсуждал поэзию и искусство...

Сэссёмару не смог сдержать улыбку, глядя на его суету. Тревога, вызванная отсутствием реакции зародыша клинка, на миг отступила.

— Не только среди людей, но и в нашем мире ёкаев такие места не редкость. Ты ведь не первый раз там бываешь, чего так нервничаешь?

Ли Сянъи, видя невозмутимость брата, почувствовал странный укол в сердце. Он с любопытством буркнул:

— А сколько раз там был ты?

Сэссёмару, услышав это, не задумываясь, щелкнул его по лбу и поднялся:

— Пошли.

Ли Сянъи, не получив ответа, стал еще любопытнее. Он догнал Сэссёмару, преградил ему путь и, идя спиной вперед, с невинным видом спросил:

— Брат Сэссёмару, тебе ведь уже за четыреста лет! Неужели ты никогда не приближался к женщинам?

Господин Сэссёмару, известный своей холодностью к женскому полу, замер. Его глаза сузились, рука приподнялась...

Ли Сянъи, поняв, что угадал, развернулся и бросился наутек, используя Шаги Поса. Через мгновение он исчез из виду. Сэссёмару усмехнулся, наполнил ступни каплей демонической силы и рванулся следом. В момент выхода из города, среди вспышек молний, он бесшумно переместился за спину юноши и схватил его за шиворот.

Поняв, что великий демон пустил в ход свою силу, Ли Сянъи перестал сопротивляться и покорно позволил нести себя. Сэссёмару, почувствовав присутствие людей, понес его к безлюдному озеру. Он уже собирался бросить его в воду, как вдруг наглый человек решил применить хитрость.

Юноша, хоть и дорожил своим достоинством, ради спасения от воды готов был забыть о гордости. Ли Сянъи вцепился в Сэссёмару, используя свою Внутреннюю силу, чтобы его нельзя было оторвать, и, подняв голову, захлопал глазами, пытаясь задобрить демона.

Сэссёмару посмотрел на обхватившего его Ли Сянъи, и на его лице медленно расцвела улыбка. Хотя Сянъи знал, что брат хитрит, он всё равно каждый раз замирал от изумления, видя эту редкую улыбку на лице холодного и прекрасного демона.

Заметив это знакомое выражение восхищения, Сэссёмару пришел в отличное расположение духа. Одним резким движением он отцепил юношу и швырнул его в озеро.

Когда Ли Сянъи выпрыгнул из воды и, используя Нэйли, высушил одежду, он лишь вздыхал: красота губит, красота губит — и ведь не поспоришь!

Сэссёмару уже сидел в бамбуковой роще на берегу. Увидев, что Сянъи привел себя в порядок, он достал из мешочка конфету, которую успел прихватить у него перед тем, как бросить в воду, положил в рот и кивком велел начинать.

Ли Сянъи улыбнулся, извлек Шаоши и громко произнес:

— Брат Сэссёмару, смотри! Второй прием Меча Сянъи: Цветы пьянят три тысячи гостей!

В роще бамбука Ли Сянъи обернулся, и свет его клинка прорезал небо. Кончик меча, казалось, разрывал воздух. Юноша закружился, и меч описал дугу:

— Третий прием: Иной мир, не из людской юдоли!

Свет меча вылетел, словно шелковая лента.

— Четвертый прием: Долгий ветер вместо песни!

Поднялся ветер, облака взметнулись ввысь, энергия меча звучала, как песня — одинокая, дикая, необузданная.

— Пятый прием: Восхождение на девять небес!

Закатное солнце окрасило небо в кровавый цвет. Длинный меч пронзил пустоту, и там, куда указывал его кончик, исчезала любая несправедливость, чтобы вместе с тобой вознестись на девять небес.

Ли Сянъи стоял в роще в своем белом одеянии, с серебряным венцом в волосах. Его взгляд был тверд и ясен, а меч в руке холодно поблескивал. Сэссёмару не понимал смысла этих стихов, но через печать защиты он чувствовал его веру — веру в то, что нужно искоренить несправедливость и вернуть миру праведный путь!

Ли Сянъи вложил меч в ножны и с улыбкой посмотрел на Сэссёмару. Закатные лучи золотили его фигуру. Сэссёмару молча наблюдал за ним, и в голове вдруг промелькнула мысль: солнце в мире людей сейчас в зените, а этот юноша полон сил и живет свою лучшую пору.

Сэссёмару вспомнил слова наставника Ли Сянъи: вера — это сила, во много раз превосходящая физическую мощь.

Вера? То, о чем он никогда не задумывался. Он всегда хотел заполучить Тэссайгу, считая, что мощный меч должен принадлежать более сильному владельцу. Он не понимал, почему отец оставил Тэссайгу полудемону, а ему — лишь бесполезный клинок. Он искал силу, чтобы стать таким же, как отец.

И вот, пройдя с этим человеком через весну в мире людей, он почувствовал, как внутри него рождается его собственный меч.

Великий демон впервые задумался о том, что такое вера. Ли Сянъи говорил, что хочет прославиться на весь мир и стать героем, что его меч должен защищать слабых и обличать сильных, что он хочет навести порядок в мире боевых искусств. Он всегда защищал слабых, и их робкая благодарность радовала его больше, чем золото.

Это была его вера. А что же было у него, Сэссёмару?

Зародыш клинка внутри слегка вздрогнул. Сэссёмару замер. Как давно он не думал о Тэссайге, не мечтал о наследстве отца? Неужели это и есть... его собственная сила?

Ли Сянъи помахал рукой перед лицом Сэссёмару, и, дождавшись, пока тот вернется в

реальность, самодовольно спросил:

— Брат Сэссёмару, ты удивлен моей техникой? Неужели я и правда одарен талантом, равных которому нет?

Сэссёмару смотрел на него, чувствуя, как меч внутри растет, глядел на сияющее лицо этого человека. Его карие глаза сузились. Ли Сянъи что-то почуял и быстро отступил, но Сэссёмару последовал за ним, обнажив Тэнсэйгу, и одним движением исполнил Долгий ветер вместо песни!

Глаза Ли Сянъи загорелись, он вскинул Шаоши, повторив тот же прием. Острый свет мечей отразился на их лицах, черные волосы развевались на ветру — это была самая прекрасная картина в этой роще.

Закончив, Ли Сянъи убрал меч за спину, чувствуя невероятный подъем. Он посмотрел на уже скрывшееся солнце и с сияющей улыбкой произнес:

— Брат Сэссёмару, кажется, сегодня нам придется лезть через городскую стену! Пойдем гулять!

Сэссёмару, слыша, как внутри него неистово растет клинок, тоже улыбнулся и сказал:

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/19978/1968399>